

A detailed illustration of a fantastical battle scene. In the upper right, a large, multi-headed dragon with golden scales and sharp teeth is breathing fire. Below it, a group of warriors on horseback, wearing armor and carrying spears, are engaged in combat. The scene is set against a backdrop of a dark, stormy sky with a bright, ethereal light source on the left, creating a dramatic and intense atmosphere. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the golden-brown of the dragon and warriors.

16+

Лариса Порхун

Я иду тебя искать...

Сборник мистических рассказов

Лариса Порхун
Я иду тебя искать...

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Порхун Л.

Я иду тебя искать... / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Мистические рассказы, входящие в этот сборник - динамичны, завлекательны, таинственны и вовсе не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Здесь и леденящие сердце подробности, и двусмысленные намёки, и странные происшествия и атмосфера старого доброго хоррора, когда каждый нерв напряжен, и случайный скрип половицы или звук открывающейся двери приводят в трепет... Но наряду с этим, по мере прочтения очередной истории, можно заметить удивительную трансформацию классического ужастика в трогательную и пронзительно человечную балладу о любви и ненависти, дружбе и предательстве, верности и бесчестии...

Содержание

Вечерний рейс	5
Случай из смерти	10
И пришла тишина...	11
Не оставляй меня	13
Апокалипсис: наши дни	14
В парке	16
Однажды ранней осенью	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лариса Порхун

Я иду тебя искать...

Вечерний рейс

Неприятности начались ещё в аэропорту. Мало того, что рейс задержали по непонятным причинам почти на два часа, так ещё и вместо положенного ТУ-134, их посадили в нечто маленькое, кургузое и неопределённое. Причём неопределённое в прямом смысле слова. Никаких опознавательных знаков на корпусе этого, с позволения сказать, воздушного судна, ни одним из шестнадцати пассажиров замечено не было. Но до этого им ещё пришлось порядком понервничать на регистрации, потому как началось форменное безобразие. Их рейс нигде на табло в аэропорту не значился, и никто о нём ничего не знал. Уже потом когда, казалось бы, закончились все сроки, а терпение пассажиров ещё раньше, по громкой связи, пофамильно, их стали приглашать к самой дальней и почти незаметной стойке регистрации.

– Свинство какое, – возмутился уже в салоне самолёта мужчина, пытаясь впахнуть свою багажную сумку в отделение для ручной клади.

– Мы этого так не оставим, – пообещала неизвестно кому его супруга, усаживаясь к окну, и продолжая обмахиваться журналом.

– Совесть окончательно потеряли...

– Да надо в суд на них подать, мы молчим, – запальчиво проговорила молодая женщина, – вот они и наглеют...

– Узнаю матушку-Расею, – ухмыльнулся парень, откуда-то сзади, – ну ничего не меняется...

Между тем самолёт уже на большой скорости мчался по взлётной полосе. Когда он, вздрогнув всем телом, словно испугавшись собственной прыти, оторвался от земли, женщина, грозившая, что не оставит этого так, за здорово живёшь, повернулась к своему мужу и продолжила разговор, который, судя по всему, они вели за последнее время ни один раз:

– ...И не позволяй себя обвести вокруг пальца, слышишь? Мать сейчас начнёт бить на жалость, что, мол, сестра твоя инвалид, что всю жизнь при ней. Она мне ещё год назад сказала, когда более-менее здорова была, – А у вас же трёхкомнатная, чего, – вроде того, – вам ещё надо...

– Да помню я, – хмуро ответил муж, – хватит мне уже инструкций твоих...

– Я знаю, о чём говорю, они насядут сейчас вдвоём на тебя, и привет... А у матери твоей, тем более, и с головой сейчас не всё в порядке... Так и скажи, мол, квартиру нам отписывай, а то, Машка – тоже с головой не больно-то дружит, сейчас ухасть какой-нибудь живо объявится...

– Ладно, – буркнул муж, – сказал же, проехали, но вообще Машке тоже где-то жить надо... Да и за матерью кто ухаживал, когда она слегла совсем, ты что ль?

Женщина всплеснула руками:

– Ну конечно, мне только матери твоей лежачей, да больной сестры не хватает для полного счастья... Ты о своих детях подумай лучше... Лишняя им квартира в Москве будет?

– Да понял я...

– Мы Машку не оставим, горе ты моё, сколько раз говорить, я уже и пансионат ей подобрала... Очень хороший...

– Это ты так интернат для хроников ласково называешь? – криво усмехнулся мужчина, – Но с другой стороны, там же и какой-никакой уход, верно? А Машка тоже уже немолода, кто с ней возиться-то будет?...

– А я о чём?

Женщина с улыбкой вздохнула и уже не так сердито оглянулась на сидящих сзади шумных девиц.

– Слушайте, – в этот момент как раз говорила одна из них, – я, когда это приглашение увидела, да ещё и оплаченный билет, чуть в осадок не выпала...

– О, я тоже – подхватила её подружка, – ну кто бы мог подумать, что эта несчастная серая мышь Света с большим приветом, не только будет готовиться к свадьбе, но и нас на неё пригласит!?

– Девы, – откликнулась третья их приятельница, – особенно это странно после того, что мы ей устраивали в гимназии... Вы помните, у нас каждое утро была для неё новая кличка...

– Улыбка дракона, – моя любимая, – отозвалась, выплёвывая жвачку прямо на пол, четвертая подруга.

– Нет, ну что ты, Зад..та, гораздо симпатичнее, под общий хохот выкрикнула первая. Некоторое время девушки забавлялись тем, что перечисляли прозвища одноклассницы, пока третья не сказала вдруг:

– А я очканула тогда, когда классная сказала, что она пыталась того...

– Когда она какой-то дряни наглоталась? – уточнила первая.

– Ну да... Просто я как раз накануне организовала над ней небольшой показательный процесс... Помните, тогда, в женском сортире?

– Ещё бы...

– А то... Снова раздалась смешки. Вторая, натягивая наушники, лениво протянула:

– А я знаю, чего она нас пригласила, да ещё и билеты оплатила... Для украшения своей жалкой, задр..ой свадьбы.. Снова раздался хохот.

– Точняк, ну вы подумайте, если её гости или родственники хотя бы немного похожи на неё...

– Не знаю, как вы, а я лично не против на шару прокатиться в Питер, даже если для этого придётся ещё раз увидеть эту скисшую физиономию... Хоть будет над чем поржать.. Девушки снова громко расхохотались, откидываясь в креслах, пока молодая женщина, сидящая со своим спутником сзади, не сделала им замечание.

– Кошмар, вот же беспардонные, – заметила она молодому человеку, держащему её за руку, – И что твоя жена, котик?

– Да ничего, – вздохнул тот, – Всё одно и то же... Ты не представляешь, каково это жить с человеком, который неприятен тебе до отвращения.

– Это ты мне говоришь? А то ты моего мужа не знаешь...

– Постоянное нытьё, там болит, тут болит, не так посмотрел, не то сказал, не туда положил... Господи! Я даже звука голоса её не переношу! А у тебя, значит, не лучше?

– Да куда там... – вздохнула женщина, – Бесконечные упрёки и сплошное недовольство, забросила семью, дети растут без матери... Какая командировка, опять командировка? – женщина грустно покачала головой – Надоело до чёртиков!

– Может, мы уже созрели, в конце концов, для решительных действий? – неуверенно спросил мужчина.

– Ну что ты – вздохнула она, – А дети? У меня двое, у тебя сын... Ты что предлагаешь разойтись и платить алименты? Или самим тянуть такую ораву? Да он и не отдаст их мне... Нет, мой сладкий, – она нежно прижалась к молодому человеку, – по-моему не стоит ломать то, что и так отлично работает... И потом где ещё я найду такую прекрасную и, главное, бесплатную няньку, как мой простофиля-муж... Оба тихонько засмеялись:

– Наверное, ты права... – выдохнул с едва заметным облегчением он... Ничего, сейчас прилетим в Сочи, бархатный сезон... И вся неделя наша... Прижавшись друг к другу они сплелись в долгом и страстном поцелуе.

Вернувшийся к своему месту крупный, начавший лысеть мужчина, слегка кашлянул, чтобы привлечь их внимание и пройти к своему креслу. Не слушая их и не замечая их извинительные улыбки, он сел и снова открыл ноутбук с какой-то презентацией. Просматривая слайды, на одном из них он опять увидел своего руководителя: красивый, уверенный, талантливый. Вне всякого сомнения. Это даже он, его заместитель, ненавидящий своего босса признаёт. Проект его, идеи и основные, самые смелые, яркие и, как оказалось, эффективные предложения, тоже его. Мужчина стиснул зубы. Конечно, на конференцию эту международную во Владивосток должен был лететь его начальник. Но мужчина не мог этого допустить. Да сколько можно в его тени находиться? До каких пор!? Да, шеф – бесспорный лидер, фонтанирующий идеями и проектами, прекрасный руководитель, настоящая душа их команды, но кто подумает о таких вот работах, как его зам? Он второе лицо в компании, а спроси, все ли в их фирме помнят его имя-отчество, черта с два! Только и знают, что: шеф сказал..., босс предлагает..., Алексей Михайлович хочет, чтобы... Мужчина чуть не заскрежетал вслух зубами... Вот и пришлось, кое-что подложить любимому боссу в ящик стола... – Пусть теперь поулыбается, – мстительно подумал он, с ненавистью удаляя слайды, где присутствовал его руководитель, – В следственном комитете с тебя спесь-то быстренько слетит...

– Вам нехорошо? – спросила, разносившая воду, стюардесса. Он мотнул головой, схватил стакан и жадно, залпом выпил.

– Вон посмотри, в третьем ряду ненормальный какой-то, – сказала она своей напарнице, – Да вон же, полный такой, возле всё время целующейся парочки... Сидит, зубами скрипит, стакан у меня чуть с рукой не оторвал, наверное, с похмелья...

Та покачала головой и спросила:

– Слушай, с чего вдруг нас вместе поставили, не знаешь? Мы же никогда раньше в один рейс не летали. С тобой в паре работала рыженькая такая, смазливая, Тоня что ли? Девушка молча кивнула. – А что с ней?

– Не знаю, заболела вроде... – нехотя ответила та, глядя, украдкой, на часы. Вчера в это время рыжая бестия и её благоверный уже неслись по трассе, не имея возможности остановиться. А как бы им удалось это сделать с неисправными тормозами? Об этом тоже она позаботилась. Её муж с её бывшей напарницей прямо удивились бы, если бы знали, сколько всего ей известно об их привычках, любимых местах и о том, например, что ездят они всегда на её машине. Чтобы жена ни о чём не догадалась. Ей даже смешно от такой его наивности и абсолютного неумения врать. Вот и пришлось наведаться к машине этой рыжей стервы. Бортпроводница, с чёрными, как смоль волосами, усмехнулась так, что её новая напарница, субтильная блондинка, удивлённо обернулась.

Удостоверившись, что всё в порядке, она вернулась к работе, с удовлетворением думая о том, что после того, как удалось пристроить мать в дом престарелых, одной головной болью меньше. Ладно, если бы та ещё, как раньше, занималась бы домом, готовила, а с тех пор, как слегла, так только лежит, да стонет... И Стас недоволен, они из-за этого и ссориться начали... Пришлось им все связи свои подключать, подмазать где надо, чтобы только мать взяли в такое вполне приличное место. Она, правда, туда ещё не ездила, некогда. Стас отвозил, но он сказал, что вполне достойно. А он зря говорить не будет. И что вместо благодарности она увидела от матери в день отъезда?! Только слёзы и жалобы... И её бесконечное: "Доченька, что же это? Ириша, как же так?" Блондинка подкрасила губы алой помадой и посмотрела в иллюминатор, уже совсем стемнело, не видно ничего. Тьма какая-то неестественная, с перламутрово-фиолетовым налётом... Жутко... Девушка передёрнула плечами и отвернулась. Снова в первом ряду раздался дружный хохот и до неё долетел явственный запах спиртного. – Опять эти ребята, – подумала она, – Что-то уж не на шутку разошлись.

– Да я вам отвечаю, – перекрикивая друзей, напирал один, в толстовке с каким-то ярким спортивным логотипом, – В конце она застонала, и говорит, – Ещё, милый, будь со мной грубым, прошу...

– Ну, конечно, – со смехом проговорил его приятель, – ты четвертым был, бакланише! Она не то, что говорить, она уже к тому времени и шевелиться-то не могла, скажи, Серый?

– Угу, – кивнул тот, открывая планшет, – она уже никакая была, я вообще вначале подумал, дохлая, а потом, когда это... чую, не, тёплая ещё... Сейчас найду, мы же с Мухой снимали эту фильму...

Последние слова заглушил новый взрыв хохота.

– Ох и шикарная тёлка... была...

– То-то и оно, что была... Давай ещё по одной накатим и будет...

– Ребята, уберите спиртное, и ведите себя потише, – строго сказала блондинка.

– Ты чё такая дерзкая, а? – под одобрительный смех, спросил один из них.

– Иди, кисуля, на ручки к папочке, – вставил его приятель с краю, крепко обхватив рукой девушку.

Пассажиры зашумели, подбежала вторая стюардесса, молодой мужчина, летевший со своей спутницей, громко пообещал, что в Сочи их будет встречать наряд полиции.

– Чего? – осклабился парень с планшетом, – Ты куда летишь, дурик? Слышь, братва, этот дятел со своей чувихой уверены, что летят в Сочи.

– Ты если обкурился, то сиди и помалкивай, тут все летят в Сочи, кроме вас, может быть... – очень неуверенно закончил молодой человек...

– Ничего подобного, – визгливо парировала женщина, – Этот самолёт летит в Москву.

– Да нет же, что с вами, – это рейс в Питер.

– Скажите, – не обещающим ничего хорошего тоном, спросил мужчина с ноутбуком, обращаясь к бортпроводницам, – мы ведь летим во Владивосток? Обе девушки посмотрели друг на друга, побледнели, и блондинка, заикаясь, произнесла:

– Одну минуту, дамы и господа, сохраняйте спокойствие, сейчас мы всё выясним.

Вдруг что-то заскрежетало, щёлкнуло, и из невидимого динамика раздался странный, металлический голос:

– Это, каким же, интересно, образом, милочка?

– Вы пилот? – заверещал мужчина, уверенный, что летит с женой в Москву.

– Можно и так сказать, – чуть помедлив, ответил тот же голос, – Вообще у меня много имён, но пилот мне тоже нравится.

– Объясните же, куда мы летим? – со слезами в голосе протянула молодая женщина, – Что вообще происходит?

– Происходит то, что и должно было произойти рано или поздно. А в случае с такими людьми, как вы, то, определённо, чем раньше, тем лучше...

– Слышь, ты, хорош трепаться, – закричал парень, желавший ещё совсем недавно, усидеть на колени блондиночку, – Ответь нормально, мы же в Симферополь направляемся?

– Увы, несчастное дитя порока, однозначно не в Симферополь... Боюсь, что пункт назначения вам всем не очень понравится... Так уж сложилось исторически, – грустно сказал голос, – Ничего не поделаешь...

В это время брюнетка колотила руками и ногами в запертую дверь кабины лётчика... К ней на помощь подоспела её напарница. В это время самолёт резко качнуло в сторону, и девушки едва удержались на ногах. Дверь со скрипом отворилась, в воздухе запахло серой, как будто тут одновременно сожгли несколько упаковок спичек. Округлившимися глазами, прижав одну руку ко рту, блондинка второй рукой показывала на пустое кресло пилота и ритмично качающийся штурвал, над которым плыл и медленно растворялся в воздухе подрагивающий тёмный силуэт.

Последнее что видели обернувшиеся к проходу девушки, искажённые и бездвиженные страхом лица своих пассажиров.

Случай из смерти

Самое главное, что она даже не слышала звука столкновения, или хотя бы какого-нибудь, мало-мальски серьёзного удара. Она просто почувствовала, будто взлетела ненадолго, а потом увидела, что уже идёт и очень быстро по дороге, ведущей к дому.

– Наверное, шок, – думала она, – пытаюсь взять себя в руки и справиться с последствиями пережитого. Молодая женщина спешила так, что почти не касалась земли.

– Ещё бы, – успокаивала она себя, – Ничего удивительного, после такой аварии, – Немедленно домой, к мужу и детям, – подгоняла она саму себя... Ну надо же, пару кварталов до дома не доехала... Скорее, они же там волнуются...

Что-то не давало ей оглянуться, внушая мысль о том, что ей не нужно сейчас видеть и знать, что явилось причиной автокатастрофы и в каком состоянии её машина. Нужно домой, к своим родным и таким любимым...

Она не совсем поняла, как оказалась в квартире, потому что совершенно не помнила, звонила ли она в дверь или открыла её сама, только через мгновение она уже шла навстречу мужу. И что-то говорила ему. Но он, похоже, её не слышал и даже не заметил.

– Денис! – ещё раз в растерянности позвала она. Ей показалось довольно громко. Никакой реакции. Её муж стремительно прошёл, чуть ли не сквозь неё, к пронзительно и тревожно зазвонившему телефону.

– Вот это, наверное, и называется состояние аффекта, – совершенно не понимая, что происходит, подумала она. – Может быть, у меня галлюцинации от травмы, и я пока просто не ощущаю боли? Или же это кошмарное сновидение??

Размышления прервал вбежавший в комнату сын женщины, навстречу которому она с радостью развела в стороны руки. Странно, сын пробежал мимо, совершенно не замечая её.

– Да что такое! Почему они ведут себя так, как будто меня здесь нет? – хотела возмутиться женщина, но тут в гостиную вошла, неуверенно и осторожно переваливаясь со стороны в сторону, так как совсем недавно научилась ходить, её годовалая дочь. Её малышка, её птичка-щебетунья, цветочек её ненаглядный...

– Ладушка, – выдохнула женщина, опускаясь перед ребёнком на колени. – Ягодка моя сладкая, иди к маме... Девочка застыла, глядя прямо на мать огромными, широко распахнутыми серыми глазами. Затем протянула ручку и провела тёплой ладошкой по мокрой от слёз щеке женщины:

– Мама...

Затем перед глазами женщины всё стало расплываться и она решила, что это от слёз. Но тут, всё стало уменьшаться и исчезать с огромной скоростью. Она уже не видела, кричащего в телефон мужа:

– Что с Лизой? Где это произошло? Она уже не слышала вдруг одновременно, горько и безутешно, заплакавших своих детей.

Женщина летела над землёй, подчиняясь какой-то неумолимой и великой силе. Она знала, что всё окончательно и предопределено. И её мнение, желания и требования здесь также смешны, как и неуместны. Просто случилось так, как должно было случиться...

Она испытывала невероятную лёгкость и покой. А ещё огромную благодарность, что получила возможность ещё раз увидеть своих дорогих людей и особенно за то, что удалось заглянуть в глаза своей дочери и ощутить на своей щеке прикосновение её тёплой ладошки.

Последнее, что видела в тот вечер, вечер своей смерти молодая женщина Лиза, – это искорёженная, врезавшаяся в дерево её машина, суеящиеся вокруг люди и она сама, лежащая на земле, накрытая с головой тяжёлой брезентовой тканью. Лиза мельком глянула на это и равнодушно отвела глаза. Это было уже неважно...

И пришла тишина...

Она медленно шла по очередному, длинному и однообразно-унылому больничному коридору и чувствовала непомерную усталость и недовольство. Чтобы хоть как-то отвлечься, размышляла о том, чем займётся, когда сегодняшняя бесконечная смена, наконец, закончится. Она чувствовала, ползущий из некоторых палат, мучительный, липкий, но такой знакомый ей человеческий страх, который вызвал в ней только новую волну гнева и раздражения.

– Да что за люди!? – в который раз недоумевала она, – Что это за дикая манера меня бояться!? Что я вам сделала, в конце концов? Я ведь так же, как и многие из вас, просто выполняю свою работу! И делаю её, между прочим, отлично! Говоря на вашем языке – профессионально работаю! Если хотите знать, я ни одного нарекания за столько лет от начальства не получила. Ни единого!

Женщина остановилась возле одной палаты, посмотрела на дверь, потом сверилась со своими записями:

– Так, кажется, здесь, – она сунула худую руку с длинными пальцами в карман тёмного платья и достала часы, – 3.18, самое горячее время. Ей, как всегда, когда приходилось работать в эту пору, вспомнилось: "Самое тёмное время суток – перед рассветом..." И действительно, работёнки именно в этот предрассветный час заметно прибавлялось. Женщина открыла дверь и вошла в палату.

– Итак, – снова глянула она в свой блокнот, – Голенков Иван Николаевич? Правильно? Правильно, – сама себе ответила она, – 57 лет, женат, двое детей, трое внуков, так, так, ну, это к нам отношения не имеет, – пробежала она глазами написанное, – Ах да, вот же оно: обширный инфаркт, причём уже второй, ага, молодец, Иван Николаич, можно сказать повезло, не каждому и первый-то инфаркт удаётся пережить... – мужчина, к которому она обратилась по имени, приподнял голову и уставился прямо ей в лицо, тяжело дыша, судорожно что-то бормоча и заикаясь...

– Ну, вот начинается снова представление, – ворчливо проговорила женщина, – Я говорю, на выход, пожалуйста, Иван Николаевич, – попробовала пошутить она, – но мужчина захрипел, сделал несколько взмахов и откинулся на подушку.

В это время проснулся его сосед и громко, совершенно не обращая внимания на стоящую в изножии женщину, зашептал:

– Эй, Николаич, ты чего это, плохо тебе что ль? Сестричку, может, позвать?

– Позови, позови, родимый, – милостиво разрешила она, выходя из палаты, – Можно, конечно, и сестричку, но лучше сразу санитаров с носилками, – она слабо улыбнулась собственной шутке и ускорила шаг. Скоро здесь будет привычная суматоха, связанная с перемещением того, что ещё недавно было Иваном Николаевичем, а она этого очень не любила. Особенно, когда кто-то в такой ситуации начинал креститься или принимался читать молитвы. Бр-р... Она передёрнула худыми плечами...

– Терпеть этого не могу, – вслух сказала она себе, – провожая взглядом молоденькую медсестру, пробегающую мимо:

– Скоро, девонька, скоро, а жаль, 24 года всего-то, – покачала головой женщина, – А не нужно дорогу перебежать в непопозволенном месте, на работу она, видите ли, опаздывает, – она прерывисто вздохнула и подумала, хорошо, что будет не она в то утро, когда это произойдёт. У неё за большие заслуги и приличный стаж сейчас узкая специализация – только медицинские учреждения: больницы, фельдшерские пункты, аптеки, да, случается и такое, и тут же разлилась на себя:

– Слезу давай ещё пусти, – она тряхнула головой и оглянулась по сторонам, – Что это со мной, старею, что ли?

Проходя через больничный холл, увидела зеркало и на секунду остановилась перед ним, поправляя чёрный, закрывающий пол-лица капюшон и перекладывая косу на другое плечо. В этот момент она услышала новый сигнал. Это означало, что снова для неё есть работа. Значит, об отдыхе думать пока рано.

Не оставляй меня

Это случилось, когда Нина с мужем мчались по четырёхполосному загородному шоссе, с двух сторон окружённому плотным лесным массивом. Сергей внимательный и нарядный уверенно вёл машину, о чём-то сосредоточенно размышляя. Они ехали на свадьбу его закадычного армейского друга, в областной центр. Был небольшой туман, но видимость оставалась приемлемой. В дороге Нина с Сергеем находились уже больше часа, и за это время успели обсудить текущие дела, вспомнить кое-какие байки из прошлой холостой жизни нынешнего новобрачного и один раз даже слегка поссориться. Когда Нина, которая сама водила машину уже третий год, скосив глаза на спидометр, посоветовала мужу сбросить скорость. 130 километров в час по мокрой дороге, да ещё в туман... Сергей огрызнулся в ответ, (он терпеть не мог, когда она давала ему советы по вождению), но скорость всё-таки сбавил. Теперь они удовлетворённо замолчали, и Нина смотрела в окно, на опускающиеся ранние сумерки и ритмично покачивала головой в такт сладкоголосому итальянцу, прорвавшемуся с популярной радиоволны и заполнившему своим бархатным пением салон автомобиля.

Нина не очень хорошо поняла, что именно произошло в следующий момент. Хотя потом они много раз посекундно вспоминали события того дня. Она помнит, что повернулась, чтобы проверить огромный, роскошный букет на заднем сиденье, и затем, расправив невидимые складочки на специально для этого случая приобретённом вечернем платье, увидела, как прямо на них несётся, вынырнув из тумана, громадная махина, оказавшаяся невероятно грязным, с кое-где проступающими оранжево-чёрными проплешинами, камазом. "Вот и всё", – мгновенно пронеслось в её голове. Она отчётливо поняла, что ситуация безнадёжная: четыре потока машин, едущих почти вплотную друг к другу. Сплошное, мерно гудящее, иногда пронзительно сигналящее, обдающее окружающее пространство бензиново-влажным ароматом, автомобильное море. Кто-то страшно закричал, позже выяснится, что кричала она. И в ту же минуту, Нина широко распахнутыми от ужаса глазами, явственно заметила, как на лобовое стекло их машины опустилась белоснежная пелена.

Потом врезался в мозг и словно распилил его пополам множественный и истошный сигнал автомобильных клаксонов. Сергей машинально включил аварийку и остановился. Ещё она хорошо запомнила, как побелели костяшки пальцев у её мужа, судорожно продолжающего сжимать руль. Они посмотрели друг на друга, а потом, с опаской, назад. Камаз стоял в нескольких метрах, на одной линии с ними, развернувшись почти перпендикулярно к дорожной разметке, и будто, извиняясь, виновато моргал левым поворотником.

Когда через какое-то время Нина осторожно рассказала эту историю своей матери, всю жизнь относящейся с недоверием и страхом к любому транспортному средству, кроме, пожалуй, велосипеда, она серьёзно посмотрела на дочь, и, качая головой, как бы давая понять, что сомнений в этом не может быть ни малейших, твёрдо произнесла:

– Это же Ангел-Хранитель был... И заметив недоумённый взгляд Нины пояснила:

– То не пелена была от тумана, как ты думала... Это, доченька, Ангел закрыл вас своим крылом, понимаешь? Мать улыбнулась, – Только я уж не знаю, чей это был Ангел, твой, Серёжин или может того, кого ты сейчас носишь под сердцем...

Нина подошла к окну, погладила свой, пока ещё не слишком заметный живот, и долго смотрела вдаль, благодарно улыбаясь.

Апокалипсис: наши дни

...Не важно, где ты живешь. Не важно, во что ты веришь. Одна дата объединит нас всех...

Двое мальчишек одиннадцати и двенадцати лет, гуляя в обычный, ничем не примечательный день по городу, вдруг остановились в немом восхищении перед чудесным зрелищем, в самом выгодном свете выставленном за стеклом. Это был универсальный магазин детских товаров, с заманчиво оформленной витриной. И он был действительно замечательный. Здесь располагались модели деревянных кораблей, наборы элементов военной и строительной техники, воздушные змеи, космические бластеры и целая батарея новейших электронных гаджетов... Глаза у пацанов загорелись, они тихо переговаривались, делясь впечатлениями, и совершенно не замечали, что за ними уже некоторое время кое-кто наблюдает.

В какой-то момент, один из мальчиков обернулся к своему приятелю, и заметил, что тот, поодаль, о чём-то беседует с высоким мужчиной в чёрном длинном пальто, на которое был изящно наброшен белый шёлковый шарф. Мальчик, глядя на себя в стеклянное отражение, постарался пригладить рыжие вихры, которые немедленно, как только он убрал руку, возвратились в прежнее положение, шмыгнул носом и усмехнулся, – Ну надо же, какие элегантные знакомые у Кольки!

Настроение у него почему-то испортилось, – Что толку торчать тут, – подумалось Саньке. Ни ему, ни Кольке покупки в этом магазине, по крайней мере, в ближайшее время, явно не светят. Мама их с сестрой воспитывала одна, работала на двух работах, и так еле сводили концы с концами. К тому же эти два трояка в году, мать ужасно расстроилась... А Колька – тот вообще из многодетной семьи, да ещё со старшим братом такое несчастье случилось... Так что нечего стоять здесь пялиться зря и пускать слюни. Он вздохнул и оглянулся. На этот раз он не увидел ни своего закадычного дружка ни его родственника-франта. Почему-то Саша решил, что это какой-то приезжий родственник, из Москвы, возможно, а может даже из-за границы. Но точно не местный. Санька глубоко вдохнул и, глянув в стеклянное отражение, остолбенел до такой степени, что забыл выдохнуть.

В витрине, кроме Санька с выпученными глазами, отражался тот самый мужчина в пальто, с белым пижонским шарфом и, улыбаясь, смотрел прямо в глаза мальчишке. Санька затравленно оглянулся, Кольки нигде не было видно. И тут мужчина подошёл прямо к нему и вкрадчивым, бархатным голосом, не представляясь, стал объяснять условия какой-то сделки. Особенно при этом, напирая на бесконечные выгоды, которые он Санёк, может приобрести в результате подписания одного документа. Несмотря на то, что Саша перешёл уже в шестой класс, ему ещё ничего не предлагали подписывать, кроме, помнится, дурацкой школьной анкеты. Да и там это была, скорее, его личная инициатива, ему хотелось просто продемонстрировать свою уникальную и размашисто-виртуозную, как он считал, подпись. Тем более, он никогда не видел такой красивой бумаги. Глянцевый лист, где указана его, Санькина фамилия, оформленная с немислимыми вензелями с золотым теснением, была заполнена сверху до низу неизвестным шрифтом на нескольких языках.

Мужчина терпеливо ждал, ласково глядя на мальчика и предусмотрительно приоткрыв переливающуюся, в свете заходящих солнечных лучей, ручку.

– Золотая, что ли? Вот, блин... – мелькнуло в голове у Саньки. Мимо шли люди, совершенно не обращая внимания на эту странную парочку. Как будто это было в порядке вещей, что в центре города, возле одного из самых крупных магазинов, стоит претенциозно одетый иностранец (а кто ж ещё?), который предлагает вихрастому рыжему мальчишке, не в самых чистых джинсах, испуганно на него взирающему, что-то подписать на глянцевой бумаге с гербом.

Санька помнит, что мужчина был довольно красив. Но описать его не мог потом никогда. Он отлично запомнил чёрное пальто и белый шарф, а ещё его удивительные, какие-то прозрачные глаза. Они почему-то ужасно пугали его своей бездонностью и пустотой. А ещё Санька запомнил золотую ручку, и очень красиво выведенную собственную фамилию, на очень важном документе, смысла которого так и не понял. Речь там шла о душе. Санька сразу вспомнил свою бабушку, которая часто говорила о ней. О том, что душа самое большое богатство, какое только может быть у человека, она бесценна, она суть его самого.

Санька отчаянно замотал головой и попятился назад. Сказать он ничего не мог. Только мотал головой и медленно удалялся. Он боялся заглянуть в глаза этому человеку и боялся повернуться к нему спиной. Свернув за угол, он бросился наутёк. Остановился Санька только на своей улице, когда заметил Кольку, разглядывающего что-то на лавочке.

– Ты почему бросил меня?! – кинулся он к приятелю, – Ты знаешь, что со мной произошло? И Санька рассказал в подробностях всё, что запомнил. – Он же к тебе подходил? Коля утвердительно кивнул, глядя в сторону... – Да что с тобой, Колян? Скажи, кто это был? Колька пожал плечами:

– Да не знаю я, мне он тоже предлагал... подписать бумагу... – Колька вздохнул, – А к брату снова скорая приезжала, опять приступ... Саша сочувственно замолчал. – Надоела эта бодяга, честное слово, – продолжил Коля и сердито замолчал, – Ну, сколько можно, всех замучил уже...

Из открытого окна кондитерской доносились волшебные запахи.

– Есть охота, – протянул Санька, – Жаль, денег нет совсем...

– Пошли, – сказал, вставая Коля, и направляясь к кафе, – Зато у меня полно...

В парке

Григорий Матвеевич ещё издали увидел "свою" лавочку в парке, обрадовался ей, как старой знакомой, и слегка прибавил шаг. С тех пор, как мужчина выписался из кардиологии, он каждое утро, не меньше двух часов гулял. Это посоветовал ему лечащий врач. Григорий Матвеевич до сих пор помнит повисшую тревожную тишину в кабинете "сердечного" доктора, во время которой тот с явным неудовольствием разглядывал его последнюю кардиограмму.

– Гулять вам нужно ежедневно, в любую погоду... Давать сердцу необходимую, разумную нагрузку, – наконец, сказал он хмуро. И ещё что-то добавил про последствия стресса, про "поменьше нервничать" и про то, что движение, как известно, это жизнь. Словом, всё то, что Григорий Матвеевич уже раз сто слышал, по мере возможности применял и даже сам советовал некоторым знакомым. Его слух только неприятно резануло слово "стресс".

– Это он уход Надюши стрессом называет? – Ну и ну... – возмутился про себя Григорий Матвеевич. – Не дай бог тебе, – глянул он исподлобья на кардиолога, – пережить внезапную смерть любимой жены... И чтобы потом, кто-нибудь, походя, назвал это стрессом... Но предписание доктора всё же тщательно выполнял. Причём по определённой программе. Первый час Григорий Матвеевич обходил бодрим, почти строевым шагом, по которому в нём безошибочно можно было угадать бывшего военного, самую длинную, центральную аллею в парке. Затем сворачивал к открытой, почти заброшенной концертной площадке, под названием "Зелёный театр", делал несколько разминочных упражнений, совмещённых с дыхательным комплексом, и уже не торопясь, направлялся к парковой скамейке. Отдохнуть, послушать пение птиц и восстановиться. Он сейчас довольно быстро уставал.

Людей в это раннее летнее утро было совсем немного. Несколько велосипедистов, парочка уже почти знакомых девушек, выбегающих на утреннюю пробежку в одно и то же с ним время, да несколько "собачников". Григорий Матвеевич с наслаждением опустился на скамейку. Что-то сегодня он чувствовал себя уставшим больше обычного. Мужчина достал платок, снял шляпу и промокнул лоб и голову. Затем глянул на часы: всего полвосьмого, а солнце уже печёт вовсю. Какая-то птаха над его головой неистово и страстно трелью переговаривалась со своей подружкой. Григорий Матвеевич поднял глаза, пытаясь разглядеть в густой листве пернатого исполнителя, и в этот момент зазвонил телефон.

Разговаривал Григорий Матвеевич ровно шесть минут. Он отлично помнил, что посмотрел на часы за секунду до звонка. В 7.36., мужчина закончил разговор, по привычке положил телефон в задний карман брюк и задумался. Он так и не понял, кто ему звонил. Но то, что звонок был не совсем обычный, в этом Григорий Матвеевич не сомневался. Первая мысль была: розыгрыш! Но кто? Да и зачем? Ненужные услуги? Мошенники? Тоже нет. Тот, кто ему звонил, не интересовался его здоровьем, не спрашивал номер карты, ничего не продавал и не покупал. Он не предлагал, не рекламировал, не навязывал и не агитировал вступить куда бы то ни было. С первой же минуты разговора было почему-то совершенно ясно, что никакая информация по поводу Григория Матвеевича ему совершенно не нужна. Дальше додумывать эту мысль мужчина не захотел. Потому что стало по-настоящему страшно. От осознания того, что звонивший знает о нём, возможно, даже гораздо больше, чем он сам, становилось не по себе.

Но последние фразы неизвестного абонента могли, безусловно, сбить с толку кого угодно. После того, как Григорий Матвеевич, повысив голос, ещё раз потребовал звонившего представиться, в трубке послышался хрипловатый, и, как ему показалось, какой-то уставший смешок:

– Григорий Матвеевич, неужели вы думаете, что если бы это имело, хоть какой-нибудь смысл, я не назвал бы себя в самом начале? Помилуйте, я ведь имею представление о манерах... Я звоню не для этого. И на вашем месте не стал бы тратить драгоценное время, которого у нас с вами, уж поверьте на слово, не так много осталось, задавая никчёмные и пустые

вопросы. Я послан вас уведомить и... успокоить. Вы это заслужили. Вы стоите на пороге непознанного, но душа ваша мечется и страдает. Перестаньте тревожиться о причине смерти вашей супруги. Она не сделала это намеренно. Просто пришло её время...

– Откуда вы... – Григорий Матвеевич не успел договорить, как в трубке послышался шум и вдруг совершенно отчётливо прозвучал голос его покойной жены:

– Гриша, милый...

А дальше полился её голос: родной, успокаивающий, нежный и бесконечно любящий. Голос, который он не слышал уже два года. С тех пор, как её не стало. Если бы кто-то спросил его сразу после этого разговора, что ему сказала его Надя, он, скорее всего, не смог бы ответить. Было просто общее ощущение тихого счастья и долгожданного покоя, которое изливалось на него почти невидимыми золотисто-кружевными лучами откуда-то сверху. Григорий Матвеевич запомнил только последнюю фразу своей умершей жены:

– Я очень тебя жду, Гриша... – сказала она перед тем, как звонок прервался...

Григорий Матвеевич откинулся на спинку маленькой деревянной лавки и прикрыл глаза. В ушах всё ещё звучал Надин голос. Мужчина сидел не двигаясь и улыбался. Лицо его было безмятежным и светлым. Как и некоторое время назад, когда он ещё был жив...

Однажды ранней осенью

В первых числах сентября капитан Васильев стоял в своём кабинете возле окна и смотрел на расстилавшуюся перед ним на высоте третьего этажа, улицу. Совсем недавно прошёл сильный дождь, напоминающий, скорее, тропический ливень. Почти целый час он единолично царствовал в городе, пугая своих подданных чудовищными раскатами грома, грозя им острыми, зигзагообразными сполохами молний, раскалывающими тускло-свинцовые небеса, по своему оттенку напоминающими блёкло-синюю, фланелевую пелёнку. Многогонная масса воды, изливающаяся на уставший и пыльный город, небольшими волнами неслась по тротуару, сбегала по стенам и крышам зданий, толстой струёй била из водосточных труб и пузырилась мини-водоворотами возле канализационных люков.

А сейчас длинные водяные нити ещё кое-где срывались с карнизов, проводов и ветвей деревьев, но переливаясь в свете заходящего солнца всеми красками радуги, они уже тихо и виновато журчали, словно несли личную ответственность за недавнее своё буйство и хотели сказать:

– Ну, посмотрите, какие мы красивые и мирные, не правда ли? Да разве возможно нами кого-то напугать?

Улица быстро и почти незаметно стала вновь наполняться людьми, попрятавшимися было кто куда, на время бушевавшей совсем недавно стихии. Следовательно по особо важным делам, капитан Максим Сергеевич Васильев вглядывался в проходящих внизу людей. Особенно женщин. В каждой он искал что-то общее с Ангелиной. И очень часто находил. Вот у той, высокой блондинки, что остановилась на пешеходном переходе, тонкий профиль немного напоминает изящные черты лица его пропавшей подруги. А вот миниатюрная брюнетка, весело щебечет о чём-то со своим спутником, в её улыбке, тоже мелькало что-то родственное с его прелестной возлюбленной. Или вон та дама, на другой стороне улицы, что остановилась возле обувного магазина и складывает свой разноцветный зонтик, явно намереваясь войти. Расстояние, конечно, приличное, но Максиму Васильеву кажется, что похожая расцветка была и у зонтика Ангелины.

– Я найду тебя, любимая, – шепчет капитан и затуманенным, неподвижным взглядом смотрит, как от его дыхания слегка запотевают стекло. Он, прищурившись, смотрит на яркое солнце, всё ещё почти такое же тёплое и ласковое, как в том уединённом горном местечке на южном побережье, где они провели с Ангелиной незабываемые десять дней своего первого отпуска.

– Я обязательно тебя найду, – повторяет он и с глухим раздражением оборачивается на звук открывающейся двери кабинета.

Капитан не скрывал своего разочарования и недовольства своими подчинёнными, входящими в состав следственно-оперативной группы. Это их некомпетентность, замедленная реакция, топтание на месте, на фоне махрового очковтирательства и косности их прогнившей насквозь системы, привели к тому, что Ангелина до сих пор не найдена.

– Пять дней, – свистящим от ярости голосом, – сказал он своему помощнику Беляеву и молодому оперу, вошедшему вместе с ним, фамилия которого постоянно ускользала от Максима, как бы он ни старался её припомнить.

– Вы можете себе представить!?! Сегодня пять дней, как след Ангелины затерялся в конце вот этой именно улицы, – Васильев, свирепо вращая глазами, указал рукой на окно, в которое только что пристально вглядывался. Мы в тот вечер должны были встретиться с нею в том проклятом баре «Лунная дорожка», находящимся ровно за два квартала от этой нашей чёртовой конторы! Васильев опёрся двумя руками о спинку стула и тяжело дышал:

– И что я узнаю, когда в начале восьмого прихожу туда? А? – капитан подошёл почти вплотную к Беляеву, который стоял молча, глядя в сторону, – Я спрашиваю тебя, Юра, моего помощника и заместителя, следователя-криминалиста с десятилетним стажем, что я там узнаю? – прошипел Максим ему на ухо. Беляев, по-прежнему глядя в сторону, протяжно вздохнул:

– Мы уже говорили с вами, Максим Сергеевич, что произошло и как это отразилось...

– Отставить! – закричал Васильев не своим голосом, – Обращаться по званию, вам понятно? Оперуполномоченный, как, бишь, тебя? Запомятовал...

– Левченко, – последовал спокойный ответ молодого человека,

– Левченко? – Максим, что есть силы, потёр левой рукой лоб, – Гм, не помню, ну ладно... Так вот, а тебе известно, что произошло, когда я явился в этот бар? Парень, искоса, глянув на Беляева, неуверенно помотал головой.

– Вот, – обрадованно, будто только этого и ждал, воскликнул капитан, чуть не подпрыгнув на месте, – Я об этом и говорю! Вот так вы и работаете! И вот почему стали возможны такие возмутительные, не укладывающиеся в голове вещи! – Васильев в нетерпении прошёлся по кабинету и, сделав резко несколько шагов в сторону, оказался возле застывшего опера, – Всё, что я смог тогда узнать, что Ангелина вышла из бара, где ждала меня с какой-то старой каргой! Ты понимаешь что-нибудь, лейтенант?

– Так точно! – заливаясь багровым румянцем, ответил юноша, представившийся Левченко.

– Очень рад за тебя... А я, вот, не понимаю! – тихо, но зловеще произнёс Васильев, пристально всматриваясь в его лицо, – Я не понимаю, Левченко, как может в центре города, совсем ещё ранним вечером в оживлённом месте бесследно пропасть молодая женщина. Бесследно, Левченко! И вот проходит пять дней, а воз, как говорится, и ныне там! Мы не продвинулись не на йоту... Всё, что нам известно, это то, что Ангелина вышла из бара уже минут через десять после того, как пришла с какой-то хромой ведьмой, которую ни до, ни после больше никто в глаза не видел!

Васильев сел на стул, обхватил голову руками и, сцепив руки на затылке, начал методично раскачиваться на стуле. Беляев сделал знак юноше и тот тихонько выскользнул за дверь.

– Максим Сергеевич, – негромко позвал он, но Васильев никак не реагировал и он, присев к маленькому, привинченному к полу столику, открыл папку и достал ручку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.